

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Среда 27 марта 1946 года, 3 ч. дня Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: Г-н ГО Тай-чи (Китай)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

11. Предварительная повестка дня (S/21)

1. Утверждение повестки дня.
2. Доклад подкомитета, учрежденного на 26-м заседании Совета Безопасности.
3. а) Письмо представителя Ирана от 18 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря и его же письмо от 18 марта 1946 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/15)¹⁴.
б) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 19 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/16)¹⁵.
в) Письмо представителя Соединенных Штатов Америки от 20 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/17)¹⁶.
г) Письмо представителя Ирана от 20 марта 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/18)¹⁷.

12. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

13. Обсуждение иранского вопроса (продолжение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Первым пунктом, требующим рассмотрения, является доклад подкомитета, учрежденного в конце 26-го заседания Совета Безопасности. В связи с этим французский представитель, посетивший меня сегодня около полудня, просил меня, от имени учрежденного вчера подкомитета, уведомить Совет, что, несмотря на все его усилия, на заседании, состоявшемся сегодня утром, не удалось достигнуть никакого соглашения.

Поэтому Совет приступает к своей работе в той же фактически обстановке, которая существовала вчера до учреждения подкомитета. Члены Комитета припомнят, что мы посвятили вчера утреннее и дневное заседания, продолжившиеся несколько часов, обсуждению того, нужно ли пре-

доставить представителю Ирана возможность изложить свое дело от имени иранского правительства.

В Совет были внесены различные предложения. В связи с этим я предоставляю членам Совета дальнейшую возможность высказаться, если они этого пожелают. В противном случае я поставлю на голосование внесенные предложения в том порядке, в котором они были представлены Совету.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я хочу выразить мое глубокое сожаление о том, что подкомитет не пришел ни к каким положительным результатам, и думаю, что представители других государств, от имени которых я выступаю, разделят мое сожаление.

Так как соглашения не последовало, мы пришли опять к положению, существовавшему вчера, и я хочу напомнить Председателю о сделанном мною вчера предложении, чтобы австралийское предложение было поставлено на голосование вторым по очереди, а не третьим. Мне кажется, что есть веские основания для того, чтобы следовать такому порядку, вместо того чтобы придерживаться простой очереди поступления предложений.

Прежде всего имеется предложение, внесенное представителем Союза Советских Социалистических Республик и рекомендуемое отложить рассмотрение вопроса до 10 апреля. Оно должно быть поставлено на голосование в первую очередь. Кроме того, имеется два других предложения, а именно: предложение Египта о том, чтобы представителя Ирана пригласить непосредственно участвовать в дебатах, и предложение Австралии о том, чтобы просить правительство Ирана и правительство СССР изложить вопрос в письменной форме с представлением исчерпывающей документации.

Я считаю, что из этих двух австралийское предложение должно быть поставлено на голосование первым, так как это мне кажется наиболее логичным. Иначе, если мы проголосуем сначала египетское предложение и его примем, то отпадет необходимость ставить на голосование предложение Австралии, которое таким образом останется не рассмотренным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): С разрешения моего польского коллеги, я напомню ему, что вчера днем я, как председатель, указал на тот порядок, в котором различные предложения должны быть поставлены на голосование. Я продолжаю считать этот порядок правильным по следующим соображениям. Если предложение СССР будет принято, незачем будет ставить на голосование остальные два предложения. Если предложение СССР не пройдет, то египетское предложение будет поставлено на го-

¹⁴ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2а.

¹⁵ Там же, приложение 2б.

¹⁶ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2с.

¹⁷ Там же, приложение 2д.

лосование следующим и, если его примут, то автоматически отпадет необходимость ставить на голосование предложение Австралии.

Я согласен с представителем Франции, что мы должны избегать излишних голосований. Мне представляется, что порядок, предложенный мною вчера, правилен и в то же время логичен; в качестве председателя я буду продолжать стоять за этот порядок.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Я никоим образом не хочу сказать, что постановление Председателя неправильно. Оно, по-моему, совершенно правильно, но я думаю, что ему можно было бы придать несколько большую гибкость.

Я поддерживаю мысль, высказанную представителем Польши. Я естественно стою за свое личное предложение, но может случиться, что мне нельзя будет за него голосовать, а я желал бы за него голосовать, так как считаю, что при данной обстановке мое предложение лучше всего разрешает стоящие перед нами затруднения.

Представитель СССР совершенно правильно воздержался вчера от обсуждения сущности дела; он ограничился вопросами процедуры. Но как я теперь вижу, в случае, если второе предложение будет принято и представитель Ирана займет место за столом Совета, мы автоматически будем вынуждены, независимо от того, хотим ли этого или нет, пуститься в общую дискуссию, которую тогда отложить будет уже трудно. Мне кажется, что общественное мнение неправильно истолкует положение, если мы тогда решим отложить вопрос, вместо того, чтобы сделать это теперь.

Я хочу определенно указать, что мое предложение ни в коем случае не подразумевает, что я стою за отсрочку вопроса до 10 апреля. Мое предложение сводится к следующему: мы должны иметь перед собой исчерпывающую документацию, с тем чтобы быть в состоянии рассмотреть ее беспристрастно и тщательно, а представитель СССР должен иметь возможность формулировать свой на нее ответ. Тогда, ознакомившись со всеми фактами, мы сможем судить, будет ли справедливым и правильным удовлетворить просьбу представителя СССР об отсрочке рассмотрения вопроса. По этим соображениям я настоятельно прошу Председателя удовлетворить просьбу польского представителя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я прошу моих коллег, и польского и австралийского, снисходительно отнестись к проявленному мною некоторому недостатку гибкости в том, что я только что сказал о порядке голосования различных предложений. Но я считаю, что все предложения одинаково важны и должны быть поставлены на голосование в том порядке, в котором они поступили.

Все же я не желаю настаивать на этом постановлении. Когда придет время произвестись голосование, я буду рад услышать мнения остальных членов Совета по поводу моего решения.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Я только хочу сказать, что не желаю обсуждать вопроса очередности предложений, так

как решить это — дело Совета. Я знаю, что вопросы приоритета представляются нам несколько запутанными — это наследие войны. Я хочу лишь спросить, желает ли мой австралийский коллега, чтобы третьей стороне, не принимающей участия в прениях, было предложено представить свои материалы и документы, не присутствуя на заседании; или же иранскому представителю будет предложено присутствовать при обсуждении вопроса и представить на заседании указанные документы.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Нет, не в настоящей стадии обсуждения вопроса.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Хочет ли сказать австралийский представитель, что он желает, чтобы представитель Ирана выслал по почте документы, о которых идет речь?

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Нет, он может их представить в течение двадцати четырех часов.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Это то, что я думал. Документы могут быть высланы по почте на адрес Секретариата.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Да, но я хотел бы дополнить мои ответы на оба заданных мне вопроса.

Всем нам отлично известно, что представитель Ирана находится в этом зале. Несомненно также, что он имеет при себе в настоящий момент исчерпывающие данные по этому делу. Вопрос тут не в расстоянии и не во времени и не в затяжке дела. Я предлагаю, чтобы представителя Ирана попросили представить свое заявление в письменной форме и распорядиться раздачей его, если возможно, нам для ознакомления. Мы не затянем вопроса и дадим представителю СССР возможность формулировать свой ответ.

Таким образом в нашем распоряжении будет информация, которая позволит нам решить, надлежит ли отсрочить дебаты или приступить к ним, не откладывая. Тогда, разумеется, представитель Ирана займет место за нашим столом и примет участие в обсуждениях. Но я считаю, что еще несвоевременно обсуждать вопрос по существу.

Позвольте мне выразить Председателю мою признательность за то, что он соглашается присоединиться к мнению остальных членов Совета в отношении своего постановления в том случае, если Совет пожелает принять мое предложение в качестве второй поправки.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я очень ценю готовность Председателя подвергнуть этот вопрос обсуждению в Совете. Поэтому я хотел бы внести предложение, чтобы мы произвели голосование предложений в следующем порядке: во-первых — предложение СССР, во-вторых — предложение Австралии, в-третьих — предложение Египта.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Мы не работали много правил процедуры, но мне ка-

жется, что имеется одно правило — или установлена, по крайней мере, практика — относительно порядка голосования предложений и поправок. Я должен признаться, что мне не вполне ясно, что собственно это правило предусматривает. Может ли кто-нибудь мне объяснить, в чем именно это правило состоит и достаточно ли прочно оно установлено? Если да, то мы должны ему следовать. Мы совершенно запутаемся, если начнем делать исключения из тех немногих правил, которые у нас уже имеются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мне говорят, что до сих пор подобного правила принято не было.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я не сомневаюсь, что члены Совета Безопасности с сожалением констатировали, что подкомитет, который был вчера образован на заседании Совета Безопасности, не продвинул нас, т. е. Совет Безопасности, вперед в наших попытках найти согласованное решение по обсуждаемому вопросу, т. е. по вопросу об отсрочке рассмотрения иранского заявления до 10 апреля.

Сегодня мне мало остается добавить к тому, что было мною сказано на вчерашних заседаниях Совета Безопасности. Вчера я изложил те мотивы, по которым советское правительство просит отложить рассмотрение заявления иранского представителя до 10 апреля сего года. Я полагаю, что факт наличия прямых, непосредственных переговоров между советским правительством и правительством Ирана доказан. Именно в результате этих прямых, непосредственных переговоров между двумя правительствами и была достигнута та договоренность, о которой я вчера официально сообщил на заседании Совета Безопасности. Я имею в виду договоренность, в результате которой советским правительством принято решение о выводе советских войск с территории Ирана в течение пяти-шести недель, если ничего непредвиденного не произойдет.

Сегодня я хочу зачитать ответ премьер-министра Советского Союза Генералиссимуса Сталина, который был дан на вопрос президента американского агентства United Press. Этот ответ гласит: «Благодарю вас за ваше любезное предложение. Довод г-на Черчилля не могу признать убедительным. Что касается вопроса о выводе советских войск из Ирана, то он, как известно, уже разрешен в положительном смысле по договоренности между советским правительством и правительством Ирана».

Этот ответ был дан Генералиссимусом Сталиным на вопрос, который гласил: «Я хотел бы обратить ваше внимание на заявление, сделанное Винстоном Черчиллем агентству United Press. Если вы пожелаете ответить на довод г-на Черчилля в пользу быстрых действий Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по иранскому вопросу, агентство United Press будет радо сообщить ваше мнение всему миру».

Ответ генералиссимуса Сталина на этот вопрос опубликован сегодня во всей американской прессе и, полагаю, не только в американской прессе, но и в прессе других стран. Этот ответ вполне ясен.

Наконец, я хочу еще раз напомнить о заявлении иранского премьер-министра г-на Гавама от 23 марта в ответ на вопрос о том, как он относится к предложению об отсрочке рассмотрения иранского вопроса в Совете Безопасности на две недели. Премьер-министр заявил, что это для него не имеет ни малейшего значения. Таким образом премьер-министр Ирана не имеет ничего против того, чтобы рассмотрение иранского вопроса было отложено на две недели, т. е. до 10 апреля. Если вопрос о выводе войск и другие проблемы не будут разрешены ранее, то, согласно заявлению премьер-министра, иранский вопрос надо будет поставить на повестку дня Совета Безопасности.

Отвечая на вопрос одного из корреспондентов о письме иранского посла в Вашингтоне г-на Гуссейн Ала на имя Генерального Секретаря г-на Трюгве Ли, иранский премьер со всей категоричностью — я повторяю — со всей категоричностью подчеркнул, что это письмо было написано и отправлено иранским послом без ведома и санкции иранского правительства. Г-н Гавам сообщил корреспондентам, что им — премьер-министром — направлены строгие телеграфные инструкции г-ну Гуссейн Ала, в которых указывается на необходимость избегать в будущем повторения подобных самовольных действий. Г-н Гавам выразил уверенность, что иранский вопрос будет разрешен удовлетворительно. Он высказался в том смысле, что главным вопросом является эвакуация советских войск из Ирана. От разрешения этого вопроса зависят все остальные проблемы. Г-н Гавам опроверг сообщение о том, что после 2 марта в Иран прибыли дополнительные советские войска.

Что касается вопроса об Азербайджане, г-н Гавам заявил, что таковой имеет относительно меньшее значение и может быть разрешен путем переговоров, как только состоится соглашение о выводе войск СССР из Ирана.

Я взял сущность заявления г-на Гавама из коммунике официального агентства СССР — Тасс.

При таких условиях я не понимаю, почему члены Совета Безопасности не могут согласиться на вполне обоснованное предложение советского правительства об отсрочке дискуссии по иранскому вопросу до 10 апреля.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Не может быть никаких сомнений, что представитель СССР сообщил нам информацию, которая была им получена. Повидимому, затруднение заключается в недоразумении, имеющем место между должностными лицами правительства СССР и правительства Ирана. Полученная правительством Соединенных Штатов информация о позиции, занятой правительством Ирана, исходит не от органов печати, а от официального представителя Соединенных Штатов в Тегеране. Эта информация указывает на то, что между обоими правительствами спор не улажен. Согласно сведениям представителя Соединенных Штатов, не поступившим через прессу и радио, а полученным от высшего должностного лица иранского правительства, предложения формулированы, но соглашения по ним не

последовало. Поэтому инструкции, данные иранским правительством своему представителю, не изменены.

Ввиду этого правительство Соединенных Штатов считает, что Совет Безопасности имеет перед собою представителя правительства Ирана, который, следуя положениям Устава, предъявил официально и в надлежащей форме жалобу, обвиняя от имени своего правительства правительство СССР в том, что оно продолжает вмешиваться в дела Ирана при помощи своих агентов и вооруженных сил и что подобное вмешательство представляет собой угрозу международному миру и безопасности.

Первое предложение, сделанное на последнем заседании, имело в виду снять весь вопрос с повестки дня. Когда на это не последовало согласия, было внесено предложение отсрочить дискуссию до 10 апреля. Ввиду этого представитель Египта предложил, чтобы представителю правительства Ирана было разрешено сделать в Совете заявление о том, надлежит ли, или нет, отложить рассмотрение вопроса до 10 апреля.

Я повторю то, что сказал вчера. Правительство Соединенных Штатов полагает, что вопрос этот имеет первостепенное значение для всего будущего Организации Объединенных Наций. Если малое государство, не состоящее членом Совета Безопасности, заявляет в надлежащей форме и в соответствии с положениями Устава, что иностранные войска находятся на его территории и вмешиваются в дела его правительства, и если какое-либо из правительств, здесь представленных, может говорить «мы думаем, что соглашение состоялось», или «имеющаяся у нас информация подтверждает, что соглашение состоялось», и если, наконец, на основании этого, правительству, не состоящему членом Совета Безопасности, отказывают даже в праве изложить свое дело, — то всякое доверие к деятельности Совета Безопасности будет утрачено.

Нас просят руководствоваться сообщениями печати. Это не выполнимо, так как во всяком случае мы должны были бы иметь перед собой эти сообщения.

Мой друг, представитель СССР, ссылается на интервью, данное г-ном Гавамом газетным корреспондентам. Уходя из отеля, я набросал наспех текст этого интервью. Вот он:

«Нет никакой разницы в том, соберется ли Совет теперь или через две недели. Если к тому времени, когда он соберется, не будет разрешена иными способами основная проблема эвакуации войск, наше дело будет поставлено на повестку дня, согласно правилам Совета Безопасности».

Такое заявление мог бы сделать каждый, так как оно сводится к тому, что, мол, мне безразлично, когда соберется Совет, так как если к тому времени проблема вывода войск из наших пределов не будет разрешена, то мы передадим наше дело Совету Безопасности и будем просить его рассмотреть.

Мы не можем основывать наши действия на подобных соображениях. Если мы заявим, что, имея здесь официального представителя Ирана, мы не можем даже спросить его мнения относительно предлагаемой отсрочки дела, то я не ви-

жу, каким образом государство, не состоящее членом Совета, решит когда-либо обратиться к Совету Безопасности.

Если предложение представителя СССР будет принято и обсуждение будет отложено без того, чтобы представитель Ирана был заслушан до 10 апреля, то в этот день представитель СССР или любой другой член Совета может внести предложение вновь отложить обсуждение до 10 октября; и если тогда представитель Ирана будет сидеть здесь в первом ряду, как он сидит сейчас, то и тогда может быть предложено не давать ему возможности высказаться, а 10 октября это предложение может быть внесено кем-либо другим. К этому времени Организация Объединенных Наций скончается в зародыше от нерешительности и бездействия.

Государства, здесь не представленные, — а их ровным счетом сорок, — ожидают от нас заверения, что двери Совета Безопасности открыты для каждого из них, чтобы дать ему возможность высказать свою жалобу, когда оно заявляет, что эта жалоба имеет отношение к ситуации, которая представляет угрозу международной безопасности.

Теперь я перехожу к вопросу об очереди голосования предложений. Будет ли логично, имея в виду поступившие предложения, поставить сперва на голосование предложение СССР об отсрочке рассмотрения дела до 10 апреля, вместо того чтобы подвергнуть голосованию предложение о том, чтобы представитель Ирана был заслушан в связи с предлагаемой отсрочкой?

Предположим, что предложение СССР будет принято и обсуждение отложено. В этом случае Совет вынесет решение отложить рассмотрение вопроса, который, согласно заявлениям Ирана, представляет собой угрозу международной безопасности, причем Ирану не будет дано права сказать слово в поддержку своего заявления. Надлежит ли нам сперва произвести голосование по вопросу об отсрочке, а затем голосовать вопрос о том, должен ли быть заслушан представитель Ирана? Ответ ясен.

Когда было внесено предложение отложить вопрос, то естественно было сделано несколько предложений в соответствии с Уставом о том, чтобы дать Ирану возможность изложить свои взгляды. Я полагаю, что в отношении очередности этих предложений Председатель решил вполне правильно. Голосование по ним должно быть произведено в порядке их поступления. Египетское предложение должно быть поставлено на голосование первым. Если это предложение пройдет и Ирану дадут возможность сказать свое слово о том, надо ли, или нет, отложить рассмотрение этого дела, тогда, если Совету угодно, мы можем перейти к голосованию австралийского предложения, а представителя Ирана будем просить дополнить свое устное изложение дела заявлением в письменной форме.

Конечно, мы должны сперва решить голосованием, надо ли заслушать представителя Ирана, а уже затем голосовать о том, надлежит ли отложить рассмотрение вопроса, не заслушав указанного представителя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Правильно ли я понял, что представитель Соединенных Штатов Америки желает, чтобы первым было поставлено на голосование египетское предложение?

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Да, я именно этого и прошу. Я хотел бы, чтобы представитель Египта пояснил свое предложение. Насколько я его понял, он имеет в виду, как он выразился, разрешить представителю Ирана сделать свое заявление с этой трибуны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Председателю несколько трудно судить о важности каждого предложения; ставить же на голосование эти предложения в порядке их поступления, — это, мне кажется, надежное правило.

Но я всецело готов уступить в этом вопросе, так же как был готов не настаивать на приоритете австралийского предложения перед египетским. Но должен признаться, что я не безразличен к порядку, который мною установлен, и думаю, что председателю можно в этом уступить. Тем не менее я узнаю мнение об этом Совета, когда мы дойдем до голосования различных предложений.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я думаю, что после сказанного мною вчера никого не удивит, что я решительно присоединяюсь к мнению г-на Бернса о предоставлении Ирану возможности занять место за этим столом и изложить свои взгляды. Я полагаю, что Иран по Уставу имеет полное на это право.

Но что касается отсрочки вопроса, то, мне кажется, было бы правильно сказать, что нормальное толкование Устава говорит в пользу скорейшего рассмотрения вопроса, когда таковой поставлен на обсуждение одним из членов Организации Объединенных Наций. Если же вопрос необходимо отложить, то основания для этого должны быть чрезвычайно важными и вескими. Я не уверен, что в данном случае приведенные основания действительно настолько вески и важны.

С разрешения Председателя я бы попросил представителя СССР осветить нам несколько больше, если возможно, обсуждаемый вопрос. Могли бы он, например, объяснить, каковы условия того «соглашения» или той «договоренности», о которых он несколько раз упомянул? Почему представитель СССР желает отложить рассмотрение вопроса? И наконец, чем объясняется выбор даты 10 апреля, которая многим из нас может казаться несколько произвольной?

Я бы очень хотел, чтобы мне разъяснили эти вопросы, прежде чем я окончательно решу, как голосовать по вопросу об отсрочке.

ХАССАН-папа (Египет) (*говорит по-английски*): Я желал бы подчеркнуть один вопрос, возбужденный вчера представителем Мексики, который я неизменно имел в виду, когда просил, чтобы представитель Ирана был приглашен сюда для изложения своей стороны дела.

Я полагаю, что в настоящий момент весь мир, а в особенности малые государства вроде нашего, ждут того решения, которое вы вынесете сегодня.

Я лично того мнения, что Устав, выработанный в Сан-Франциско, дал известные привилегии великим державам, и я надеюсь, что последние используют эти привилегии надлежащим образом. Я подчеркиваю, что малые государства ждут сегодня вашего решения, так как мы хотим удостовериться, что великие державы соблюдают договорные обязательства.

Мы хотим, чтобы великие державы знали, что если независимая страна не желает, чтобы на ее территории находились иностранные войска, то великие державы должны с этим считаться. Руководствуясь одними этими соображениями, я предложил вчера, чтобы представитель Ирана был приглашен за стол Совета для изложения своего дела. Весь мир ждет сегодня нашего решения.

Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика) (*говорит по-английски*): Я бы хотел иметь текст внесенного предложения, так как в обсуждении вопроса происходит некоторая путаница.

Представитель Соединенных Штатов предлагает, чтобы представитель Ирана занял место за столом Совета и чтобы его спросили, надлежит ли отложить рассмотрение вопроса, или нет. Представитель США говорит, что таков смысл предложения Египта, к которому вчера утром присоединился представитель Нидерландов, так же как и я сам. Представитель Нидерландов и я поддерживали это предложение на основании статьи 31 Устава, и мне кажется, что представитель Египта имел в виду, чтобы представитель Ирана был приглашен за стол Совета не только с тем, чтобы высказаться по поводу отсрочки дискуссии, но и для объяснения иранской стороны дела и представления дальнейшей информации.

Налицо фактически три предложения, из которых два сходятся в том, что и Австралия и СССР рекомендуют отложить рассмотрение вопроса. Поэтому надлежит в первую очередь поставить на голосование египетское предложение, так как, если оно будет принято, оба других предложения отпадут; если же его отклонят, то мы можем произвести голосование предложения СССР.

Нидерландский представитель обратился к представителю СССР с просьбой объяснить, почему последний выбрал именно 10 апреля. Австралийский представитель предполагает, что представитель Ирана держит наготове оригинал своего заявления и может огласить его завтра же — в двадцатичетырехчасовой срок. Попросим его официально прежде всего сюда пожаловать.

Я желал бы ознакомиться с текстом первоначального предложения, с тем чтобы мы могли продолжить дискуссию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я полагаю, что обсуждение вопроса о процедуре слишком затянулось. Теперь внесено новое предложение о порядке голосования. Польский представитель предложил, чтобы австралийское предложение предшествовало египетскому. Я думаю, что лучший способ разрешения этого вопроса — это поставить его на голосование.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу сделать несколь-

ко замечаний в связи с выступлениями некоторых членов Совета Безопасности.

Г-н Бернс в своем выступлении говорил о том, что невозможно обсуждать вопрос, который является предметом дискуссии Совета Безопасности вот уже второй день, без заслушивания мнения иранского представителя. Но ведь г-н Бернс так же, как и всякий другой член Совета Безопасности, имеет возможность выслушать мнение иранского представителя в любое время вне заседания Совета Безопасности, имеет возможность в любое время задать ему не один, а десять вопросов. Наконец, иранский посол, сам присутствующий на заседании Совета Безопасности, имеет возможность высказать свое мнение в частных разговорах с членами Совета Безопасности или сообщить свое мнение Генеральному Секретарю, чтобы это было более официально.

Г-н Бернс с этим не согласен. Он не согласен с этим не случайно, он не согласен потому, что он хочет допустить дискуссию по существу вопроса. И это вполне понятно. Когда иранский представитель будет приглашен принимать участие в дискуссии, то это будет началом рассмотрения заявления, поданного иранским послом Генеральному Секретарю 18 марта. Это будет началом рассмотрения вопроса по существу. Это так и понимает г-н Бернс, который хочет пригласить представителя Ирана на заседание Совета Безопасности для того, чтобы начать обсуждение иранского вопроса по существу.

Представитель Голландии задал вопрос, что ему все-таки неясно, в чем же состоит договоренность между советским и иранским правительствами? Что это за договоренность? Мне кажется, неясного тут ничего нет. Между иранским и советским правительствами имеют место прямые и непосредственные переговоры. В результате этих переговоров была достигнута договоренность между обоими правительствами о выводе советских войск с территории Ирана в течение 5-6 недель, если не случится ничего непредвиденного. Что здесь неясного?

Может быть, г-н ван-Клеффенс хочет знать, имеет ли эта договоренность устный или письменный характер, но, как известно, от этого дело не меняется. Имеет ли она устный характер, или зафиксирована в письменном виде, — сила этой договоренности не меняется. Об этой договоренности были сделаны официальные сообщения. Первое сообщение было сделано два дня тому назад. Оно было опубликовано в советской прессе, было опубликовано также в американской прессе и вообще в мировой печати. Второе заявление было сделано мною здесь на заседании Совета Безопасности, и третье сообщение было сделано сегодня, когда я процитировал ответ Генералиссимуса Сталина на вопрос президента агентства United Press г-на Бейли.

Я не знаю, что здесь есть неясного и почему г-н ван-Клеффенс все еще сомневается, что это за договоренность такая? Эта договоренность явилась результатом переговоров, которые имели место между обоими правительствами по весьма конкретному вопросу. Что это за вопрос, опять таки всем известно. Каждый член Совета Безопасности знает, что это за вопрос, ибо и г-н

Клеффенс принимал участие в заседаниях Совета Безопасности в Лондоне, где обсуждался этот вопрос, поднятый в то время иранским правительством.

Я уже имел случай заявить о том, что советское правительство не готово принять участие в обсуждении иранского вопроса, если бы такое обсуждение было начато до 10 апреля. Оно не готово именно потому, что между двумя правительствами имеют место прямые и непосредственные переговоры, важнейшая стадия которых уже дала, как известно, положительные результаты, о которых я говорил неоднократно.

Представитель Египта здесь говорил, я бы сказал с темпераментом, что вопрос этот должен быть решен сегодня и только сегодня. Я не знаю, когда он должен быть решен, — обязательно ли сегодня или не сегодня, — но он должен быть решен правильно, в этом состоит задача. Совет Безопасности, в интересах своей эффективной работы, должен выносить правильные решения. Будет ли это сегодня или завтра, вопрос этот не существенный.

Но представитель Египта проявляет почему-то особенную прыть в этом деле, считая, что именно сегодня должно быть принято решение, что именно его предложение должно быть поставлено прежде всего на голосование, хотя это не вяжется с обычными приемами, с обычно применяемыми приемами и правилами процедуры. Несколько слов о процедуре. Я думаю, что само собой разумеется, что сделанное мною предложение должно голосоваться первым, ибо оно поступило первым. Я напомню членам Совета Безопасности, что я сделал это предложение еще 19 марта. Я его поднял вчера на заседании Совета Безопасности, прежде чем было внесено предложение представителя Египта или представителя Австралии. Я буду категорически возражать против того, чтобы предложение представителя Египта ставилось на голосование первым.

Я очень сожалею, что г-н Бернс, как и вчера, игнорирует сегодня тоже общепринятые, ни у кого раньше не вызывавшие сомнения, правила процедуры. Для него не существует того обстоятельства, что египетское предложение было внесено после внесения моего предложения. Как же можно требовать голосования этого предложения египетского представителя перед голосованием по моему предложению.

Представитель Мексики г-н Кастильо-Нахера заявил, что египетское предложение должно голосоваться первым, так как оно исключает остальные два предложения. Но я хотел бы обратить внимание г-на Кастильо-Нахера на то, что каждое из остальных предложений в свою очередь исключает, будучи принятым, остальные два предложения. Принятие моего предложения означало бы исключение принятия остальных двух предложений. Принятие предложения представителя Австралии также исключало бы принятие моего предложения и предложения египетского представителя. Так что довод, который привел здесь представитель Мексики не является убедительным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я объявляю прения прекращенными.

Мы сперва поставим на голосование предложение, внесенное представителем СССР, которое рекомендует отсрочку рассмотрения иранского вопроса до 10 апреля.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я думаю, что нужно на данном заседании Совета Безопасности договориться, каким порядком прекращаются прения. Я не возражаю против прекращения их сейчас. Я согласен с Председателем, но желательно знать, будет ли Председатель прекращать прения или прения будут прекращаться с согласия Совета Безопасности. Я просто ставлю вопрос, причем повторяю, что я не возражаю против того, чтобы прекратить прения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): В моем списке не значится больше желающих выступить.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Я не имею возражений против заявления Председателя о прекращении прений, но независимо от решения, которое будет в связи с этим принято, я желаю оставить за собой право выступить с объяснениями мотивов моего голосования после голосования первого предложения и до перехода к голосованию предложения Египта. В том случае, если Председатель не сочтет возможным предоставить мне слово именно тогда, т. е. в промежутке между двумя голосованиями, я охотно сделаю это теперь же.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): После того как будет проголосовано первое предложение, французскому представителю будет предоставлено слово. Возражений не имеется? Французский представитель может выступить после голосования предложения СССР.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я резервирую то же право. Я не имею возражений против того, чтобы было приступлено к голосованию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Таким образом, по мнению Совета, мы должны приступить к голосованию предложения представителя СССР о том, чтобы рассмотрение иранского вопроса было отложено до 10 апреля.

Производится голосование поднятием рук. Подано 2 голоса за. Дальнейшего голосования не производится.

Предложение СССР не принимается, так как за него не подано требуемых семи голосов членов Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы переходим теперь к вопросу, по которому я желал бы выяснить мнение Совета, в особенности потому, что я обещал польскому и австралийскому представителям запросить мнение Совета о том, надлежит ли поставить на голосование первым предложение Египта или предложение Австралии.

Насколько я мог удостовериться из различных замечаний г.г. представителей, я склонен думать, что большинство Совета стоит за голосование египетского предложения первым.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я внес официальное предложение о том, чтобы австралийское предложение было поставлено на голосование раньше египетского. Я имею право требовать, чтобы прежде всего было подвинуто голосованию мое предложение.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): В моем предыдущем заявлении я выразил мнение, что предложение, внесенное представителем Египта, представляет собой поправку к первоначальному предложению, внесенному представителем СССР. Однако, отдавая себе отчет в том, что Председатель не имеет официальных руководящих правил, я охотно его поддержал, когда он решил отдать предпочтение предложению СССР, ввиду того что это предложение поступило первым.

Я поэтому считаю, что надо продолжать придерживаться того же порядка, а именно порядка, в котором предложения поступили. Я должен возразить против того, что предложил мой приятель, представитель Польши, ставя последнее предложение на первое место. Я не думаю, что последнее предложение должно стать первым. В таком случае я мог бы сам внести новое предложение, с тем чтобы оно было последним. Мне кажется, что Председатель нашел правильный выход из затруднения, решив следовать тому порядку предложений, в котором они поступили. Мы сперва подвергли голосованию предложение СССР; следующим должно быть предложение представителя Египта, а затем предложение представителя Австралии. Коль скоро мы приняли такую систему, я бы покорнейше просил продолжать ее держаться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Председатель считает, что, согласно определенному выраженному мнению Совета, мы должны теперь рассмотреть египетское предложение и поставить его на голосование.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Я предлагаю, чтобы Совет принял жалобу иранского правительства, содержащуюся в письме от 18 марта на имя Генерального Секретаря, и предложил иранскому представителю выступить в Совете, с тем чтобы мы могли ознакомиться с его взглядами на вопрос о предложенной представителем СССР отсрочке и чтобы Совет принял затем меры, которые сочтет необходимыми.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Мы ввязались теперь в вопросы процедуры, которых я хотел избежать вчера вечером. Я надеялся, что мы придем к соглашению по следующим вопросам.

Статья 34 Устава говорит, что «Совет Безопасности уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности».

Статья 35 Устава предусматривает, что любой член Организации Объединенных Наций может довести до сведения Совета Безопасности о всяком споре подобного характера.

Вчерашнее обсуждение вопроса показало, что Совет желает, на основании этих статей, заслушать представителя Ирана, притом именно теперь, когда от представителя СССР только что поступила чрезвычайно важная информация, касающаяся позиции правительства СССР, каковая информация до сих пор поступала лишь через прессу, а теперь приобрела официальный характер.

Я надеялся, что по этому пункту, а именно по вопросу о толковании статей 34 и 35 Устава и вытекающих из них заключений, мы могли бы прийти к соглашению. Я надеялся, что мы могли бы согласиться и по другому еще пункту. Мне казалось, что Совет может по этому случаю выразить желание быть информированным настолько полно, как это только возможно, по поступившему к нам на рассмотрение вопросу, прежде чем перейти к его обсуждению по существу.

Я надеялся, что после наших дискуссий сегодня утром мы сможем предложить Совету объявить во всеулышание, что он желает получить в свое распоряжение все необходимые данные, не только выслушав представителя Ирана, но и предложив некоторым другим членам Совета пересмотреть свои заявления, сделанные за этим столом, дополнить их и удостовериться, что мы находимся в курсе дела и можем принять решение не вслепую.

Я полагаю, что такая процедура ответила бы требованиям, вытекающим из различных точек зрения. Думаю также, что это лучшая возможная процедура. В подобном деле, учитывая то, что мы уже знаем, и все то, чего мы еще не знаем, но что должны узнать, — Совет должен поступить именно таким образом.

Я глубоко сожалею, что невозможно прийти к единодушному соглашению по поводу этих соображений. Все же, я буду голосовать за египетское предложение, так как, хотя последнее и не охватывает всего мною сказанного, оно тем не менее его не исключает. Даже после того как мы проголосуем это предложение, даже после того как мы заслушаем представителя Ирана, Совет будет все же обязан обставить себя всеми гарантиями максимально возможной осведомленности. Совет мог бы даже поручить некоторым своим членам сбор необходимой информации, прежде чем мы приступим к обсуждению существа вопроса.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): По мотивам, которые были достаточно полно изложены мною вчера на заседании Совета Безопасности, а также на сегодняшнем заседании Совета Безопасности, я как представитель Советского Союза не в состоянии принимать участия в дискуссии, ввиду того что мое предложение не было принято Советом Безопасности. Я также не могу принимать, по этим мотивам, участие в заседании Совета Безопасности и оставляю это заседание.

На этом слове г-н Громыко и остальные члены делегации Союза Советских Социалистических Республик покидают зал заседания Совета.

Подковник ХОДЖСОН (Австралия) *(говорит по-английски)*: Я хотел бы получить некоторые

разъяснения по поводу египетского предложения, с тем чтобы мы точно себе уяснили, за что или против чего мы собственно голосуем.

Я тщетно старался с трех с половиной часов дня получить подлинный текст резолюции. Я имею перед собой рукописный текст, который не соответствует официальному отчету вчерашнего заседания, а кроме того есть и другой текст, который тоже несколько иной. Он говорит, что Совет принял жалобу, изложенную в письме представителя Ирана от 18 марта. Я предполагаю, что мы это уже сделали, утвердив повестку дня.

Второй вопрос касается предложения представителю Ирана занять место за столом Совета и дать нам возможность ознакомиться с его взглядами по вопросу об отсрочке рассмотрения дела. Так я желал бы знать, намереваемся ли мы обсуждать лишь один вопрос этой отсрочки? Моя мысль была, что, приглашая представителя Ирана высказаться, мы предлагаем ему изложить всю свою сторону дела и сообщить нам дополнительные факты и информацию.

Если представитель Ирана появится здесь для обсуждения порядка лишь одного пункта процедуры, т. е. вопроса об отсрочке, а не сути всего дела, то я желал бы знать, по какому именно вопросу мы будем или не будем голосовать.

ХАССАН-паша (Египет) *(говорит по-английски)*: Я приношу извинение моему австралийскому коллеге за опоздание. Я думаю, что это на самом деле моя ошибка. Мне не напомнили, что я должен передать текст моего предложения до заседания, и я должен был подумать об этом сам.

Но возвращаясь к делу, я думаю, что вопрос чрезвычайно прост, и мне хотелось бы высказаться по нему с полной определенностью. Представляя свои объяснения, я сказал вчера, что вопрос делится на две части, на первую, касающуюся отсрочки, и вторую, касающуюся сущности дела.

Позвольте мне огласить опять сделанное мною предложение, которое заканчивается следующим образом: «...и чтобы Совет принял затем меры, которые сочтет необходимыми». Если мы предложим иранскому представителю явиться сюда и если он не согласится на предлагаемую отсрочку или приведет веские и основательные доводы против того, чтобы дело было отложено, то Совет будет тогда вправе потребовать от него предъявления документов, касающихся сущности дела. Если мы отвергнем его доводы и решим отложить дело, тогда, мне кажется, будет излишним переходить к рассмотрению дела по существу. и вопрос будет этим исчерпан.

Я полагаю, что мое предложение ясно. Оно заключается в том, что мы сперва пригласим представителя Ирана за стол Совета и попросим его высказаться по вопросу отсрочки; затем, если мы найдем, что откладывать дела нельзя, Совет сможет принять те меры, которые найдет нужными, и в частности предложит представителю Ирана представить документы, относящиеся к сущности дела. Тем не менее, я не имею никаких возражений против возможных поправок, которые любой член Совета мог бы предложить, в целях уточнения моего предложения, если Совет со-

чет, что оно формулировано мною недостаточно ясно.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) *(говорит по-английски)*: Когда Председатель заявил, прежде чем перейти к голосованию, что прения прекращены, представитель Франции и я резервировали свое право сделать заявление позднее. Меня побудило сделать эту резервацию заявление представителя СССР, будто представитель Соединенных Штатов желает видеть здесь представителя Ирана для того, чтобы завести речь о сущности возникшего спора, а не по вопросу об отсрочке.

Я хотел обратить внимание Совета на то, что в моих выступлениях вчера и сегодня я говорил как раз обратное и что мой большой друг, представитель СССР, заблуждался, высказывая подобное предположение.

Фактически, вследствие моего сегодняшнего заявления о том, чтобы представителю Ирана была дана возможность высказать в Совете свои взгляды на отсрочку, представитель Египта изменил свое предложение, чтобы согласовать его с моим. Это объясняет изменение в предложении, которое рекомендует, чтобы иранский представитель явился в Совет для изложения своих взглядов. Мой друг, представитель Египта, любезно согласился на это изменение. Таким образом, заявление представителя Соединенных Штатов имело в виду заслушивание иранского представителя по этому предложению, прежде чем ставить последнее на голосование.

В силу решения Председателя голосование началось с предложения СССР. Это несколько не меняет моих взглядов. Я полагаю, что представителю Ирана, когда он явится в Совет, должно быть предложено изложить свои взгляды на любую отсрочку — будь то до 10 или до 1 апреля — после того, как он сделает свое заявление.

Тогда будет уместно, как я уже несколько раз говорил в течение последних дней, чтобы тот или иной член Совета внес предложение о тех мерах к ликвидации спора, которые Совет нашел бы целесообразными в свете сделанных заявлений.

Таким образом, по моему мнению, представителя Ирана надо просить, следуя предложению представителя Египта, высказать прежде всего свои взгляды на вопрос об отсрочке, с тем чтобы Совет мог, если пожелает, отложить дальнейшее обсуждение на один или два дня или на дольше. Если никто не пожелает откладывать вопрос, тогда мы перейдем к рассмотрению сущности спора.

Вот моя мысль о той процедуре, которой мы должны следовать, и то объяснение, которое я хотел дать, прежде чем состоится последнее голосование.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Я благодарю представителя Соединенных Штатов. Теперь, прежде чем ставить на голосование египетское предложение, я хочу обратить внимание Совета на то, что в нашем распоряжении остается всего десять минут. Я предполагаю, что, ввиду чисто процедурного характера вопроса, решение может быть принято даже в отсутствие

представителя СССР. Если мое предположение правильно, мы приступим к голосованию.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) *(говорит по-английски)*: Я предполагаю, что Председатель имеет в виду статью 27, которая предусматривает, что «решения Совета Безопасности по вопросам процедуры считаются принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета». Таким образом, для принятия предложения требуется семь ничем не обусловленных голосов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Да, это так. Если никто не имеет ничего сказать по розданному всем египетскому предложению, мы приступаем к голосованию.

Производится голосование поднятием рук. Подано 8 голосов за. Дальнейшего голосования не производится.

Египетское предложение принимается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Желает ли представитель Австралии, чтобы его предложение было все-таки поставлено на голосование?

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) *(говорит по-английски)*: Если оно не отпадает вследствие этого принятого предложения, то я все же желал бы, чтобы его поставили на голосование.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) *(говорит по-английски)*: Считаю долгом почтительно доложить Совету, что принятие предложения представителя Египта устраняет предложение моего австралийского коллеги. Я думаю, что у него самого такое же впечатление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: В таком случае представитель Австралии снимает свое предложение?

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) *(говорит по-английски)*: Нет, я этого не сделаю. Произошла большая путаница. Мое предложение должно было быть поставлено на голосование в первую очередь, ибо мы рассматривали предложение СССР об отсрочке вопроса, а мое предложение было фактически поправкой к предложению СССР, так как я предлагал отложить вопрос на очень короткое время, именно до тех пор, пока мы не ознакомимся бы со взглядами представителя Ирана, изложенными в письменной форме.

Это предложение совершенно иного рода. Предложения, внесенные представителем СССР и мною, были правильны в отношении обсуждаемой проблемы, которая представляет собой вопрос процедуры. Это же предложение совсем другого рода, и вот почему я считаю, что надо было поставить на голосование сперва мое предложение, потом предложение СССР, а затем уже, третьим по очереди, предложение, только что нами принятое. Если считают, что мое предложение должно быть отклонено, потому что данное предложение его устраняет, я вынужден против этого возразить, так как мое предложение относится к другому вопросу, связанному с предложением СССР, и не имеет ничего общего с обсуждаемым предложением.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Касаясь вопроса, поднятого только что австралийским представителем, я склоняюсь к тому мнению, что, принимая во внимание выраженное им согласие на голосование его предложения после моего, а также то, что он не возражает против голосования его предложения после принятия Советом решения относительно моего предложения, — можно из этого заключить, что от тем самым соглашается не настаивать на вопросе приоритета — даже если бы таковой имелся — в отношении своего предложения.

Мне кажется, мы поступим против правил процедуры, если поставим теперь на голосование предложение Австралии, после того как мое предложение было проголосовано и принято. Поэтому австралийский представитель не вправе внести вновь свое предложение; он теряет свой якобы приоритет, ибо не настаивал на нем своевременно. Правила процедуры не позволяют, чтобы его предложение было поставлено теперь на голосование.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я хочу поддержать мнение моего австралийского коллеги и думаю, что его предложение совершенно не связано с тем, которое мы уже приняли. Мы приняли предложение пригласить представителя Ирана и теперь мы им связаны.

Другое предложение, ясно сформулированное представителем Австралии, сводится к тому, чтобы представителю Ирана было предложено изложить свое дело. Поэтому я считаю, что это предложение должно быть поставлено на голосование как совершенно самостоятельное.

Довольно странно, сказал бы я, что оба предложения исходят от двух малых государств, — ведь Австралия тоже малое государство, — и мне думается, что все малые государства имеют право на одинаковое к ним отношение, чуждое всякого фаворитизма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мой друг, представитель Австралии, был настолько любезен, что согласился с моим постановлением, и его предложение автоматически отпадает в силу того, что принято предложение Египта.

По приглашению Председателя, представитель Ирана г-н Гуссейн Ала занимает место за столом Совета Безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Ввиду того что сейчас уже почти 6 часов, мы должны, я думаю, закрыть заседание и собраться завтра в 3 часа дня; тогда представитель Ирана сможет сделать свое заявление.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я позволяю себе просить, чтобы представителю Ирана, приглашенному за стол Совета, разрешили высказаться по вопросу отсрочки. После того как он это сделает, будет по-моему своевременно закрыть заседание. Я все же надеюсь, что Председатель не отложит заседания теперь же и разрешит представителю Ирана сделать свое заявление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): В таком случае заседание будет продолжаться, и я предоставляю иранскому представителю слово для его заявления.

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Я считаю за честь быть приглашенным за стол Совета. С глубоким волнением, уверяю вас, я занимаю мое место перед высшим трибуналом мира, с которым связаны все надежды и стремления человечества. Я желаю вам успеха в вашей нелегкой работе для восстановления согласия, безопасности и уважения к международным законам в нашем взбаламученном мире.

Иран крепко верит в принципы, лежащие в основе Устава, и неуклонно стремится их соблюдать. Мы верим в Организацию Объединенных Наций и желаем, по мере сил и возможности, содействовать ее укреплению.

С другой стороны, мы доверчиво уповаем на то, что Совет сумеет отстоять наши права. Наше дело находится в ваших руках, и мы хотим, чтобы оно оставалось у вас до тех пор, пока оно не будет справедливо разрешено в соответствии с духом Устава.

Я понимаю, что вопрос о том, рассматривать ли дело сейчас или его отложить, подлежит разрешению Совета. Со своей стороны, я готов, следуя моим инструкциям, перейти к изложению спора, который посеял к сожалению рознь между моей страной и ее соседом. Мне кажется, что сделать это надо возможно скорее.

Конечно, я осведомлен о сообщениях, появившихся за последние дни в печати, о выводе войск СССР из некоторых районов Ирана. Вчера мы услышали то же заявление из уст представителя СССР. Я также слышал новость, сообщенную сегодня утром прессой, об официальном опровержении моим правительством того, что предполагаемый уход советских войск является результатом какого-то соглашения, состоявшегося между правительством Ирана и правительством СССР.

Я не знаю, был ли вывод этих войск чем-либо обусловлен. Позвольте мне твердо и окончательно заявить, что я не знаю ни о каком соглашении и ни о какой договоренности между моим правительством и правительством СССР в отношении каких-либо вопросов, связанных со спором, находящимся ныне на рассмотрении Совета.

Никто не будет более горячо, чем я, приветствовать справедливое разрешение затруднений, основанное на уважении к полной независимости Ирана, его суверенным правам и территориальной неприкосновенности.

Премьер-министр Ирана в данных мне инструкциях особенно настаивал, чтобы я подчеркнул, что передача спора Совету Безопасности одним из членов Организации Объединенных Наций не должна быть истолкована другой стороной как недружественный по отношению к ней акт.

Мы все — члены одной семьи, и это — своего рода семейный совет, где мы можем свободно излагать наши невзгоды и достигать удовлетворительного разрешения всех трудностей.

Представитель СССР обосновывает свое предложение об отсрочке, во-первых, неожиданностью, а во-вторых — утверждением, что переговоры, предпринятые согласно резолюции Совета Безопасности от 30 января 1946 года¹⁸, продолжаются, но еще не закончены, хотя он в то же время говорит о договоренности, достигнутой по одному вопросу.

Я не могу входить в обсуждение ни того, ни другого из вышеприведенных оснований, не ознакомив вас сначала с сообщенными мне премьер-министром Ирана фактами, которые относятся к переговорам, предпринятым в результате резолюции Совета от 30 января 1946 года.

После того как я прочту мой доклад, мне кажется, что будет излишним пространно пояснять возражения Ирана против всякой дальнейшей отсрочки обсуждения Советом обоих споров, которые предложены на его рассмотрение.

Вот мой доклад:

Все помнят, что Совет Безопасности принял 30 января 1946 года резолюцию, которая предлагала правительствам Ирана и СССР постараться уладить свои разногласия путем непосредственных переговоров. Во исполнение этой резолюции иранское правительство решило послать в Москву делегацию для обсуждения вопроса с правительством СССР. Во главе делегации был иранский премьер-министр г-н Гавам, одушевленный искренним желанием содействовать дружественным отношениям между Ираном и СССР. Делегация прибыла в столицу СССР 19 минувшего февраля и оставалась в ней приблизительно шестнадцать дней. Состоялся ряд совещаний с г-ном Молотовым и другими правительственными лицами СССР; в двух совещаниях принял участие сам маршал Сталин.

Иранский премьер-министр, желая устранить всякий повод для недоразумений и недобрых чувств со стороны правительственных лиц СССР, употребил все свое влияние, чтобы рассеять атмосферу и приступить к спокойному обсуждению вопроса. Спор между Ираном и Союзом Советских Социалистических Республик возник вследствие вмешательства последнего во внутренние дела Ирана при посредстве своих должностных лиц и вооруженных сил. Поэтому к правительству СССР была обращена просьба воздержаться от подобной деятельности. Затем, ввиду отсутствия оснований для дальнейшего нахождения в Иране советских войск, правительству СССР было предложено незамедлительно вывести их с территории Ирана.

Правительство СССР оказало делегации Ирана сердечный и любезный прием, но не согласилось отозвать войска СССР из Ирана и воздержаться от вмешательства в его внутренние дела. Вместо этого советское правительство сделало следующие предложения:

1. Войска СССР остаются в некоторых частях Ирана на неопределенное время.

2. Иранское правительство признает внутреннюю автономию Азербайджана. В случае если

¹⁸ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, № 1, стр. 36.

иранское правительство на это согласится, СССР предлагает принять меры к тому, чтобы:

а) премьер-министр Азербайджана пользовался в отношении центрального правительства званием генерал-губернатора,

б) Азербайджан не имел ни военного министерства, ни министерства иностранных дел,

в) тридцать процентов государственных сборов Азербайджана выплачивались иранскому центральному правительству,

г) вся переписка с центральным правительством велась на персидском языке.

3. Правительство СССР отказывается от своего требования на нефтяную концессию; вместо этого учреждается смешанная акционерная компания, 51 процент акций которой будет принадлежать СССР и 49 процентов Ирану.

Иранский премьер-министр, поставленный перед этими требованиями, которые не разрешали наших затруднений, не отвечали нашим законам и суверенным правам и не согласовывались ни с положениями Трехстороннего договора¹⁹, ни с Тегеранской декларацией, ни с иранской конституцией, — не мог сделать ничего другого, как отклонить эти требования в устной и письменной форме. Тем не менее, ввиду его искреннего убеждения в необходимости дружеских отношений между Ираном и СССР, он продолжал свои беседы с правительственными лицами СССР, в надежде на возможность убедить их в конце концов отказаться от этих требований. Но усилия премьер-министра ни к чему не привели: переговоры зашли в тупик и правительство СССР взяло обратно свои предложения.

Между тем приближался последний срок вывода иностранных войск из Ирана, истекавший 2 марта. 1 марта последовало официальное коммюнике, переданное московской радиостанцией о том, что 25 февраля г-н Гавам, премьер-министр Ирана, был уведомлен, в ходе происходивших переговоров, о решении правительства СССР начать 2 марта вывод некоторых частей советских войск из тех районов Ирана, где царил относительное спокойствие, т. е. из районов Мешхеда, Шаруда и Самнана в восточной части Ирана. Что касается вооруженных сил СССР в других районах Ирана, то они должны были там оставаться до выяснения положения.

Иранский премьер-министр немедленно вручил правительству СССР следующий протест:

«Г-ну Народному комиссару:

Коммюнике агентства Тасс, опубликованное в газете «Известия» под № 53/8969 от 2 марта 1946 года, объявило о решении правительства СССР приступить 2 марта 1946 года к выводу своих войск из Хоросана, Шаруда и Самнана.

В связи с этим коммюнике сообщается, что силы СССР будут продолжать оставаться в других районах северного Ирана до выяснения положения.

Ввиду вышеупомянутого официального коммюнике, имею честь довести до Вашего сведения

¹⁹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2б, стр. 23.

ния, что согласно Трехстороннему договору, заключенному в Тегеране 29 января 1942 года между Ираном, Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством, эвакуация союзных сил из Ирана окончательно и безоговорочно назначена на 2 марта 1946 года.

Войска Соединенного Королевства выведены со всей территории Ирана. Поэтому оставление войск СССР в некоторых районах северного Ирана после указанного срока не соответствует указанному мною договору. Это противоречит также неоднократным заявлениям правительства СССР о том, что оно намерено согласовать свои действия в данном вопросе с положениями договора. К тому же недавнее решение, принятое правительством СССР, совершенно не считается с основными законами Ирана и с существующими договорами между Ираном и Союзом Советских Социалистических Республик.

Ввиду всего вышеизложенного я принужден, к величайшему моему сожалению, выразить от имени иранского правительства протест против решения правительства СССР и настоятельно просить, чтобы был отдан приказ о возможно скором выводе вооруженных сил СССР со всей территории Ирана.

А. ГАВАМ

Премьер-министр
и министр иностранных дел Ирана»

Было предложено выпустить совместное коммюнике. Иранский премьер-министр стал на ту точку зрения, что незачем опубликовывать коммюнике, когда ничего не достигнуто. Правительство СССР тем не менее препроводило ему проект коммюнике, два пункта которого он нашел неприемлемыми. Во-первых, он возражал против заявления, что дискуссии велись на основе «полной договоренности». Во-вторых, он возражал против заявления, что дискуссии будут продолжаться с новым послом СССР, который в скором времени отбудет в Тегеран. Вместо этого он предложил заявление, выражавшее надежду, что назначение нового посла поведет к укреплению дружественных отношений между обоими государствами.

Резолюция Совета Безопасности от 30 января 1946 г., передававшая дело на решение сторон путем непосредственных переговоров, «просит стороны сообщить Совету о тех или иных результатах, которые будут достигнуты в ходе этих переговоров». Должен к сожалению доложить Совету, что, насколько мне известно, никаких положительных результатов достигнуть не удалось, и мне поручено правительством Ирана передать спор на решение Совета в соответствии с его полномочиями и обязанностями.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я позволяю себе рекомендовать, чтобы представителю Ирана было предложено, в соответствии с решением Совета, ограничить свое выступление вопросом об отсрочке, как это указано в предложении, и не вдаваться в детали. То, что сказал представитель Ирана, относится скорее к самой сущности дела.

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Я полагаю, что все это необходимо для того, чтобы

я мог высказать мои заключения по вопросу об отсрочке. В сказанном мною приводятся данные, которые вам необходимо иметь, чтобы позволить мне перейти к последующей части моего заявления, касающегося вопроса об отсрочке и нашего о ней мнения.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я признаю, что каждому из нас трудно провести в этом отношении строго определенную границу. Но я все же думаю, что представитель Ирана, зная о решении, принятом сегодня днем Советом, должен по мере возможности сосредоточиться на вопросе об отсрочке. Если он в своих замечаниях будет по возможности придерживаться этой стороны вопроса, то, мне кажется, он сможет этого достигнуть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я полагаю, что согласно только что принятому предложению Совет должен будет выслушать мнение иранского представителя о требуемой представителем СССР отсрочке. Соболаговолит ли представитель Ирана ограничиться, насколько возможно, именно этой стороной вопроса?

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я бы хотел заметить, что не так давно я обратил внимание Председателя на тот же вопрос, который был возбужден представителем Соединенных Штатов. Но Председатель почему-то не реагировал на мое заявление. Я надеюсь, что в будущем он будет больше считаться с малыми государствами.

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Меня ставят в чрезвычайно трудное положение. Мое изложение следует логическому порядку. Все, что я хочу высказать, приведет к заключениям и, поверьте, мне очень трудно перейти к заключениям, не поставив вас в известность о тех самых вопросах, которые я имею в виду и которые позволят вам уяснить причину, почему я предлагаю не откладывать рассмотрения дела. Теперь, если вы разрешите мне продолжить, я изложу вам относящиеся к делу вопросы.

Г-н БЕРНС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я не хочу говорить представителю Ирана, в какой форме он должен излагать свое заявление, но ему могло бы помочь мое указание на то, что собственно Совет хотел бы здесь услышать. Прежде всего, уполномочен ли г-н Гуссейн Ала, представитель Ирана, согласиться на отсрочку рассмотрения вопроса? Были ли его инструкции изменены, после того как он представил свое дело? В чем заключается опасность положения, которая заставляет иранского представителя считать необходимым немедленное обсуждение вопроса и которая не позволяет таковое обсуждение отложить? Г-н Гуссейн Ала может привести по этому поводу некоторые личные соображения.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Я как раз хотел предложить, что если мы сочтем изложение иранского представителя неудовлетворительным или слишком растянутым, чтобы продолжать его слушать, то каждый член Совета мог бы обратиться к нему с несколькими

вопросами. Например, разделяет ли он взгляды представителя СССР в отношении отсрочки вопроса. Если представитель Ирана их не разделяет, он мог бы привести свои на то основания и указать причины, почему он считает необходимым, чтобы Совет рассмотрел этот вопрос без замедления. Я полагаю, что такой порядок отвечает в общем предложению г-н Бернса, а представитель Ирана сам может решить, как формулировать свои ответы.

Г-н АЛА (Иран) (*говорит по-английски*): Я не получил от моего правительства инструкций о том, чтобы согласиться на какую бы то ни было отсрочку в рассмотрении вопроса, о котором я довел до сведения Председателя Совета Безопасности своим письмом от 18 марта.

Я объясню причины, почему я возражаю против какой-либо отсрочки.

Я перехожу теперь к вопросу о том, отзовется ли отсрочка неблагоприятно на правах Ирана, с точки зрения принципов Устава.

Войска СССР все еще находятся в Иране. Иран испытывал и продолжает испытывать сейчас вмешательство в его внутренние дела агентов СССР, его должностных лиц и вооруженных сил. Иран не получил определенных и безоговорочных заверений, что иностранные войска будут выведены со всей его территории к определенному сроку.

Позвольте мне вам напомнить, что в ходе переговоров Ирану были предъявлены требования, которые несовместимы с его суверенными правами и территориальной неприкосновенностью. Такое положение вещей, как я уже сказал, способно вызвать взрыв.

Вопрос этот, повторяю, чрезвычайно срочен. Присутствие иностранных войск в любой стране не только представляет собой нарушение ее суверенитета, но в то же время ложится и тяжелым бременем на население и является вмешательством в его повседневную жизнь. Это в равной степени мешает правительству выполнять свои обязанности. Иностранные вооруженные силы находились в Иране в течение четырех лет и члены Совета должны понять, насколько мы стремимся от них избавиться.

Если мы согласимся на процедуру, согласно которой правительство должно будет представить письменный меморандум и ряд докладов Совету Безопасности, то разрешение вопроса затянется на неопределенное время. К тому же факт продолжающегося присутствия войск СССР в Иране не нуждается в подтверждении какими-либо документами.

Серьезность, с которой народы всего мира, так же как и иранский народ, относятся к настоящему положению, свидетельствует о том, что отсрочка урегулирования спора представляет угрозу всеобщему миру. Отсрочку желает государство, которое больше всего от нее выиграет. Иран этому противится, так как он больше всего в этом случае теряет. Если в обязанности Совета входит рассмотрение вопроса, который может поставить под угрозу международный мир, то такой же обязанностью Совета является —

не откладывать рассмотрения такого вопроса. По этим соображениям Иран серьезно обеспокоен всякой отсрочкой в рассмотрении Советом сущности самого дела.

Ввиду сказанного, я прошу Совет от имени моего правительства приступить немедленно к рассмотрению данного вопроса и принять решение, соответствующее принципам Устава, не настаивая на дальнейших переговорах.

Пока Совет не получит определенных заверений о полной эвакуации Ирана в ближайшем будущем и в определенно предусмотренный срок, не обусловленный какими-либо предвиденными или непредвиденными обстоятельствами или соглашениями, Иран будет считать, что отсрочка дела не отвечает целям и принципам Устава.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Следуя предложению представителя Египта, я хотел бы задать несколько вопросов представителю Ирана, чье заявление я выслушал с большим интересом.

Представитель Ирана сказал нам, что он не получал инструкций о том, чтобы согласиться на отсрочку в рассмотрении дела. Поэтому мой первый вопрос заключается в следующем: получил ли он инструкции о том, чтобы воспротивиться таковой отсрочке?

Заявление представителя Ирана, которое, как я сказал, было выслушано мною с большим вниманием, упускает из виду одно обстоятельство, имеющее, по моему мнению, первостепенное значение. Это то, что войска СССР приступили к эвакуации Ирана. Заявление представителя Ирана содержит по этому поводу лишь одну краткую фразу, в которой он ссылается на газетное сообщение, правильность которого он, повидимому, подвергает сомнению. Поэтому, ввиду того что я сам испытывал величайшие затруднения в сношениях с моим правительством, я желал бы задать представителю Ирана второй вопрос, а именно — получил ли он какую-либо официальную информацию о выводе войск из Ирана.

Представитель СССР в одном из своих сегодняшних заявлений упомянул об официальном интервью, данном премьер-министром Ирана. Если я правильно припоминаю слова представителя СССР, интервью содержало в себе будто бы следующие указания:

а) премьер-министр Ирана подтверждает факт происходящего вывода войск СССР;

б) премьер-министр Ирана не желает, чтобы оказывалось какое-либо внешнее давление на взаимоотношения между правительством Ирана и правительством СССР.

Я привожу эти слова на память, и мы должны их сверить с отчетом. Таким образом, третий вопрос, который я задам представителю Ирана, это — может ли он подтвердить правдивость заявления представителя СССР.

Вот три вопроса, на которые я хотел бы получить ответ, и мне кажется, что эти ответы помогут нам решить, надлежит ли отсрочить или отложить вопрос.

ХАССАН-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Не согласится ли наш польский коллега

отложить ответы на завтра, ввиду позднего часа и занятости некоторых членов Совета?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*):
Я считаю, что Совет принимает предложение,

чтобы иранский представитель ответил на заданные вопросы на следующем заседании Совета.

Заседание закрывается в 6 ч. 45 м. вечера.